

По поводу одного ответа в редакцию

Что же тут спорного?

5 мая в «Ташкентской правде» была опубликована статья «Размышления после спектакля». В ней указывалось на недостатки в репертуарной политике театра им. Горького.

Дело в театре хранили гордое молчание. Наконец директор театра В. Козлов прислал странное письмо: мол, читали, откликнемся на статью... в первой половине июля!

В редакции удивились, но решили подождать до первой половины. Может, в театре разрабатывают большие мероприятия.

Прошло еще около месяца. И вот не так давно прибыл обещанный ответ, подписанный В. Козловым и секретарем партбюро П. Мироненко. «Партийная организация, обсудив на... собрании статью «Размышления после спектакля», считает, что в статье... правильно отмечен факт слабой связи между театром имени Горького и секцией драматургии Союза писателей Узбекистана...».

Далее в письме сообщается, что в 1961 г. будет поставлена одна пьеса местного автора на современную тему. Маловато, конечно, но для начала и это неплохо. И то, что признали ошибку, — тоже хорошо. Да и как ее не признать, если за четыре года театр показал лишь две пьесы, созданные на местном материале, — «Тайны паранджи» и «Большую любовь».

Но, видимо, не случайно чуть ли не три месяца сочинялся ответ.

В конце письма читаем: «Что же касается других вопросов, поднятых в статье, то освещение их... представляется театру спорным и бездоказательным...».

Что ж это за вопросы?

В статье критиковались А. Гинзбург и Н. Хачатуров за то, что, взявшись переводить на русский язык одну пьесу, они совершен-

но забыли об оригинале. После «перевода» от оригинала осталось лишь пять—шесть фраз и сюжетный ход. Характеры героев изменены, некоторые персонажи вообще исчезли. Больше того — всех действующих лиц переводчики «перевели» в другую национальность.

Факт этот сам по себе вызывает возмущение. Как бы отнеслись В. Козлов и П. Мироненко к людям, которые, решив перевести на какой-либо язык, ну, хотя бы «Любовь Яровую», объявили Яровую, скажем... Дженни Смит, Ярового из офицеров произвели в генералы и тоже объявили Смитом, вельсчак Швандю сделали флегматичным английским матросом Гаррисом, от текста пьесы оставили несколько фраз и в таком виде показали зрителю?

Неужели бы В. Козлов и П. Мироненко не возмущались? Возмущались бы, да еще как! Почему же в таком случае они критику аналогичного случая объявляют спорной и бездоказательной? Да потому, что фактам вопреки стремятся отстоять «честь мундира», оградить от критики авторов перевода. Вряд ли все члены парторганизации, весь коллектив театра разделяют мнение В. Козлова и П. Мироненко по этому вопросу, хотя в начале письма есть ссылка на то, что статья «Размышления после спектакля» обсуждалась на партсобрании. Да и сами авторы

письма, надо полагать, занимают-ся опровержениями по инерции — не такие они наивные люди, чтобы не понять истины, не требующей доказательств.

И вовсе не к чему предлагать решать эту «проблему» «только путем делового обмена мнениями между заинтересованными (?) лицами, знакомыми с практикой работы театра имени Горького».

Какие же еще вопросы, поднятые в статье, представляются авторам письма спорными и бездоказательными? В статье указывалось: художественный совет театра ослабил свою деятельность, в его составе нет представителей общественности, театр не устраивает зрительских конференций.

Какой же по этим вопросам надо устраивать «обмен мнениями между заинтересованными лицами»? Зрительские конференции не устраивались, представителей общественности в худсовете не было. Может быть, художественный совет не ослаблял своей деятельности? Но ведь сами В. Козлов и П. Мироненко в своем письме вынуждены были признать серьезные недостатки в репертуарной политике театра. А разве это не вина совета?

Редакция хотела помочь театру, указала на ошибки в творческой деятельности. Но вместо того, чтобы принять советы к сведению, руководители театра избрали сомнительный путь опровержений.